

**Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
Фонд «Русский мир»
Институт русского зарубежья
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко
Конгресс Русских общин Республики Молдова**

**Международная научно-практическая конференция
«Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, 19-21
апреля 2017 г.)**

**International Scientific and Practical Conference «Intercultural
Dialogue and Challenges of the Present» (Orel, April 19-21, 2017)**

Орел, 2017

УДК 316.4
ББК – 60.0

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». Протокол № 3 от 23 ноября 2017 года.

Научное издание

Межкультурный диалог и вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции. Сборник научных статей / под общ. ред. В.П. Степанова, Т.В. Серегинной; предисл. проф. В.П. Степанов, Т.В. Серегина, Т.Н. Гелла: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. – Орел, 2017. – 602 с.

ISBN: 978-5-9929-0563-2

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» знакомит читателя с анализом общественных трансформационных процессов современности в преломлении к геополитическим стратегиям и ситуации, складывающейся в условиях развития стран новых демократий на бывшем постсоветском пространстве. Особое внимание участники конференции уделили проблеме феномена самопровозглашенных идентичностей Абхазии, Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Приднестровья, ДНР и ЛНР. Серьезное внимание было уделено этнокультурным, в том числе и этноязыковым процессам в странах бывших союзных республик.

Книга рассчитана на политиков, государственных деятелей, ученых, журналистов, студентов общественных специальностей, всех интересующихся современными этническими процессами и этногражданским строительством.

УДК 316.4
ББК – 60.0

ISBN: 978-5-9929-0563-2

© авторы докладов и сообщений
© ОГУ им. И.С. Тургенева

11. Musiał, Wolniewicz 2011 — Musiał Z., Wolniewicz B. Ksenofobia i wspólnota. Przyczynek do filozofii człowieka. – Komorów: Wydawnictwo Antyk – Marcin Dybowski, 2010. S. 17-89.
12. Puścian 2015 – Puścian D. Refleksje na temat niezależności w koncepcji etycznej Tadeusza Kotarbińskiego // Człowiek, ęwiat, Polityka, № 6-7, 2015. S. 50-55.
13. Schrade 2004 – Schrade U. Zjednoczona ludzkość w ujęciu Tadeusza Kotarbińskiego // Schrade U. Międzywojenna polska myśl narodowa. Od patriotyzmu do globalizmu. Kraków: Arcana, 2004. S. 170-199.
14. Zubelevicz 2011 – Zubelevicz J. Tadeusz Kotarbinski o zjednoczeniu ludzkosci // Гуманітарний вісник ЗДІА, Запоріжжя, 2011. № 45. С. 21-28.

References:

1. Antipova T. A. Kosmopoliticheskoe i nacional'noe v kul'ture na rubezhe XVIII i XIX vekov [EHlektronnyj resurs] — Minsk: Belorusskaya cifrovaya biblioteka LIBRARY.BY, 2005. http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109164206&archive=0217&start_from=&ucat=&
2. Kalieva G. S. Ideya mirovogo gosudarstva i prava v kontekste globalizacii / Vestnik KazNU, Seriya yuridicheskaya, 2015. – № 2 (74). – S. 28-31.
3. Kembraev ZH. M. Politiko-pravovaya istoriya idei edinoj Evropy s drevnejshih vremen do sovremennosti. Alma-Ata: ACADEMPRESS, 2012.
4. Solov'ev. V. S. Nacional'nyj vopros v Rossii. M: AST, 2007.
5. Tihanov G. Kosmopolitizm v diskursivnom landshafte modernosti: dva konteksta vyrazheniya v ehphu Prosveshcheniya (Per. s angl. A. Murashova) / NLO: nezavisimyj filologicheskij zhurnal. – 2011. – № 110. – S. 135–155.
6. Trubeckoj E.N. Mirosozercanie V.S. Solov'eva. T. I. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1995.

Бабурова Н.Б. (г. Москва, Российская Федерация)
Baburova N.B. (Moscow, Russian Federation)

**Фактор жертвенности в российском политическом процессе:
народ и власть**

**The sacrificial factor in the Russian political process: people and
power**

Аннотация. Освещён вопрос гонения русских в республиках бывшего СССР в период последней четверти XX века.

Ключевые слова: жертвенность, жертва, русский.

Abstract. The question of the persecution of Russians in the republics of the former USSR during the last quarter of the twentieth century is covered in the article.

Keywords: sacrifice, victim, Russian.

Зло действительно банально, и справедливость — всего лишь поиск путей его оправдания, искоренение зла мостит дорогу в ад. Ханна Арендт писала о суде над Эйхманом: «Защитник — и это очевидно — предпочел бы, чтобы его клиент заявил о собственной невинности на том основании, что согласно существовавшим при нацизме законам он не совершил ничего противозаконного, что его обвиняют не за преступления, а за «принятые в государстве законы», не подлежащие юрисдикции другого государства (*par in parent imperium pop habet**), что его долгом было подчиняться этим законам и что, говоря словами Сервациуса, он совершил действия, «за которые, в случае победы, награждают, а в случае поражения — отправляют на виселицу» (Арендт 2008, с. 42). История холокоста победителей из числа народов СССР научила только одному: победителей награждают, а весь остальной мир — гонения на евреев больше невозможны.

Распад СССР обнажил националистические тенденции в республиках и навёл на них лупу, привлекая к ним особое внимание. Республиканский национализм был следствием и основанием одновременно для формирования полноценных суверенитетов бывших советских республик. Для них произошла историческая подмена процессов: в то время, когда большинство наций формировало свои национальные суверенитеты, они вошли в большую авангардную конфедерацию — СССР — и пропустили естественное время для формирования национального государства. В конце XX в. иных основ формирования государства, кроме этнической и национальной, по объективным причинам — исторически незавершённого национального строительства в начале XX века и отсутствия иного исторического опыта формирования суверенитета — не виделось. Ещё больше подстёгивали настроения суверенизации по крайней мере два исторических опыта: интернациональная помощь СССР в борьбе угнетаемых народов за освобождение от колониалистов (проекция на собственный опыт) и однозначно провалившийся проект авангардного конфедеративного государства (начальный этап формирования советского союзного государства 1920-х годов), в котором они участвовали. Опыт коммунистической России, социальной революции, воплощённая утопия, возможность изменения институциональных условий стали толчком для социального развития в мире. Очевидная влюблённость в искусство и культуру, признание наилучшей иллюстрации, визуализации для мира будущего и очевидный же испуг от кардинальных социальных изменений

породили в мире движение в противофазе с целью не допустить институциональных поломок подобной русской, приняв лучшие и актуальнейшие социальные практики. Однако авангард СССР, изменив мир, стал разрушительной силой для субъекта авангарда, сердце Данко выгорело, Данко умер, СССР превратился в монстра и разрушился.

Я не случайно говорю «коммунистическая Россия», «институциональная поломка, подобная русской» вместо привычных «советская Россия» и «советский опыт», так как для мира «русский» – брендовое наименование, имеющее отношение к политической, географической, институциональной характеристике и не несущее обозначение этноса. Русский – внешнее наименование политической практики, распространённой в Восточной Европе и далее за Уралом, выходящее за рамки «российского» и понятия «россияне».

Националистические тенденции, связанные с распадом СССР, обозначили русских как институциональное явление политики последней четверти XX в. Формирование полноценных суверенитетов в бывших союзных республиках было связано со столкновением институциональных факторов и выбором путей дальнейшего существования и развития. Националистически ориентированные потребности полного суверенитета вступили в острое взаимодействие с применением оружия с потребностями суверенитета в рамках конфедерации СССР. В политической риторике это отразилось как этническое взаимодействие титульных наций новых суверенитетов и русских. Однако говорить об этнических гонениях на русских в странах Балтии, Молдавии очень сложно – список погибших со стороны, не поддерживавших националистические суверенитеты, включает не в первую очередь людей с русскими фамилиями, в первую очередь представителей титульных этносов республик (Бомешко 2015, Бугай 2011, Круглов 2008, Молдавия 2004, Сапожникова 2016). Этим людям было присвоено наименование русский по причине поддержки политических институтов, свойственных понятию «русский». Таким образом, конфликт развивался в институциональной плоскости русских политических институтов и нерусских политических институтов, по принципу иной политической традиции.

Вследствие этого процесса русские, включая названных таковыми, пережили два очень разных явления. Во-первых, лишение суверенитета как внутри преемницы СССР Российской Федерации, так и, что более очевидно, в национальных государствах. Люди столкнулись с необходимостью новой институционализации и ресоциализации, вливания в иную государственность за пределами Российской Федерации на правах национального меньшинства, а в некоторых случаях и вовсе без прав. Во-вторых, преобразование суверенитета. Это явление больше касается России: формирование новой суверенности с ампутированным

сознанием окраин, уменьшением собственной территории, национальности и суверенитета, неопределённостью в осознании и принятии новых национальных характеристик, включения в первую очередь институциональных признаков для определения «свой-чужой», формирование образа врага для маркера «чужой». Сложность этих процессов не в последнюю очередь была связана с неопределённостью самих институтов, которые разрушались, создавались, преобразовывались со скоростью невозможной для осознания и адаптации со стороны людей, что привело к архаизации сознания институтов и опоре на первичные моральные и политические установки (Аузан 2016), вернувших нас в социально-антропологическое прошлое.

Политические процессы на территории бывшего СССР в конце XX в. вылились в две разные стороны (проявления) одного и того же антропологического явления – жертвы. В странах новых суверенитетов произошла массовая виктимизация поведения людей, не согласных с выбранным политическим маршрутом, подкреплённая стереотипом жертвы «чужого» (по Р. Жирару) для русских, которыми (как я уже писала выше) были обозначены все, принявшие русские политические институты.

Массовые гонения «чужих» свойственны многим культурам (европейцы же последнее массовое гонение совершили против евреев в период Второй Мировой войны). Стереотип гонения чужого очень удобен для решения внутренних политических проблем, он, проявляя рудименты магического мышления в политической идеологии, отвлекает от решения насущных сложностей и просто объясняет причину неприятностей, также просто предлагается очевидное решение: «чужого» необходимо уничтожить. «К нему (магическое мышление) чаще всего обращаются в случае бедствия — и оно прежде всего является системой обвинения. Играет роль колдуна и действует сверхъестественным способом, чтобы причинить зло ближнему, всегда *другой*» (Жирар 2010, с. 92). Стигмат чужого или другого вливается во «врага» (по К. Шмитту), «лишь самостоятельно может каждый из них (*участники конфликта*) решить, означает ли в данном конкретном случае инобытие чужого отрицание его собственного рода существования, и потому оно [инобытие чужого] отражается или побеждается, дабы сохранён был свой собственный, бытийственный род жизни» (Шмитт 2016, с. 302).

Шмитт отмечал, что в осознании, проецировании, агрегации врага он предстаёт как злой и безобразный, стереотипное представление о евреях в Европе конца XIX в. рисует самый неприглядный образ – от физического уродства до совершенно аморального поведения, а они были основным чужим, врагом и виновным в Европе на протяжении многих веков. Свидетельства, представленные в К. Ланцманом в «Шоа» (Ланцман 2012), вызывают ужас не столько своим содержанием, сколько принятием

немцами, поляками массовых убийств еврейских семей как должного. Все активно воевавшие европейские нации окутаны неприятнейшими стереотипами – не континент, а скотный двор, субъекты непригляднейших качеств.

И решение об отрицании собственного рода существования в инобытии другого было принято, и выразилось оно в уничтожении физическом, социальном или политическом чужого. Русским были приписаны все стереотипы гонений: 1) социальный и культурный кризис, то есть обобщенная обезразличенность; 2) «обезразличивающие» преступления; 3) признаки виктимного отбора, метки обезразличенности предполагаемых виновников преступлений; 4) само насилие. «Смысл этой процедуры — в том, чтобы переложить на жертв ответственность за кризис и воздействовать на него либо уничтожив названные жертвы, либо, по крайней мере, исторгнув их из общины, которую они «оскверняют»» (Жирар 2010, с. 45).

Наличие системного кризиса в последней четверти XX века отрицать невозможно, следовательно, невозможно отрицать и обезразличенность, потерянность, невозможность найти границы и правила, определить правильность и справедливость поступков – этим проблемам посвящено множество серьёзных и не очень серьёзных исследований последних 25 лет. Русские были обвинены по самым тяжким социальным и культурным обвинениям, которые только возможны: преступления против верховной власти, против женщин и детей, против основных социальных устоев (их попытаюсь квалифицировать как религиозные преступления, так как речь идёт об измене коммунистической идеологии). Русские были виктимизированы как меньшинство (статистика нам здесь не поможет – не важно количество, важно самовосприятие титульных народов), русская культура в мгновение ока превратилась из великой в оккупационную и убивающую культуры титульных народов, русский язык из языка межнационального общения в символ порабощения и насильственной русификации. В условиях, не предполагающих адаптации, именно русские были признаны индивидами, испытывающими трудности с адаптацией (например, знание языка титульной нации). И ещё одним важным виктимным признаком русских стала социальная аномалия, связанная с властью русских, которая могла не быть реализована этническими русскими в республиках СССР, но была властью из Москвы, то есть русской.

Русские в России тоже не избежали гонительских стереотипов. Социум в России традиционно устроен так, что стереотип виктимных признаков «чужой» присваивать было некому. Большинство русских общин гомогенно, еврейские погромы – редкость в истории России, но в 1990-х годах активизировался антисемитизм, в современной истории России официально чужой был определён как «лицо кавказской

национальности», и есть примеры кавказских погромов, но для начала 1990-х годов этот стереотип неактуален, он сложился позже – после чеченских войн.

Гонительские стереотипы русских в России сложились по другим виктимным признакам. Прежде всего, обострились социальные конфликты, связанные с нетерпимостью к иным физическим признакам: инвалидность, национальность. Презрение вызывали те, кто не смог быстро сориентироваться в изменившейся социальной реальности и продолжал отстаивать ценности, уже неактуальные для нового общества. Кризис был настолько обескураживающим, что проявились предельные случаи виктимных признаков: гнев коллектива навлекали любые крайние качества – успех и поражения, красота и уродство, пороки и добродетели, привлекательность и несносность. Основным виктимным признаком стали молодость, сила, мужественность. По отношению к носителям этих признаков проявился феномен вменённой жертвы – от них требовалась жертвенность по отношению ко всему остальному социуму, так как именно они могли обеспечить уничтожение чужих и врагов. Внутренних врагов власть имущие того периода предоставить не могли ввиду отсутствия основного институционального звена – идеологии, а старые внешние враги, которые долгие годы были в ходу, в рамках новой политической риторики стали друзьями. Заряд вменённой жертвы сработал в самостоятельном поиске врагов и чужих, так как необходимо было обеспечить защиту самых близких людей – произошло формирование ОПГ. Парад суверенитетов подстегнул виктимизацию, так появились чужие – чеченцы и кавказцы в целом.

Основной же виктимный признак сложился в рамках социальных аномалий и был направлен на элиты, власть имущих и богатых, что более интересно, и на нищих, людей с асоциальным поведением, что более обыденно. Виктимизация богатых и власть имущих породила социальные искривления, которые Россия до сих пор не в состоянии перейти, и это касается не только отношения населения к власти, но власти к населению и самой себе. Власть в России производит впечатление бандита, совершающего набег, а не оседлого бандита, планирующего ещё долгое время собирать ренту с территории (в терминологии М. Олсона), и связано это, на мой взгляд, не с порочностью элит, не с неопределённостью легитимности, как юридической, так и политической, а с продолжающимся социальным кризисом и присвоенным признаком виктимности, который означает, что правление может закончиться в любой момент, что может состояться террор против власти. Эти опасности не позволяют принять власть в полном объёме, то есть начать нести полную ответственность за всё происходящее на подвластной территории и установить полноту суверенитета, так как отсутствие ответственности и полноты суверенитета *как бы* нивелирует и власть, то

есть снимает признак виктимности. Но это не решает проблему, а усугубляет её, так как круг замыкается: кризис – признак виктимности – безответственность – грабёж – кризис. Ненависть к богатым и власть имущим не является характерным признаком власти, она – характерный признак кризиса, так как следует из подвижных, неясных правил игры, отсутствия эффективного функционирования институтов.

По итогам событий распада СССР русские, несомненно, были подвержены гонениям как за пределами России, так и в самой России, однако возможность какого-либо преследования гонителей весьма сомнительна, так как преследование совершалось не в рамках этнических чисток, а в рамках институциональных взаимодействий, где понятие русский окончательно потеряло этническую составляющую и приобрело форму институциональной характеристики. Избежание и урегулирование подобных конфликтов лежит за рамками понятия русский и относится к сфере гуманитарной безопасности, под которой «следует понимать выработанную в результате международных соглашений совокупность правил (правовых режимов), определяющих взаимодействие государств, иных национальных, транснациональных и частных акторов, способствующих реализации человеком права на выбор средств и способов обеспечения персональной безопасности, условий своего существования, а также приемлемые и неприемлемые формы поведения этих акторов на международной арене по защите права человека на выбор» (Борисов 2017, с. 56).

Русский в современном мире – тот, кто придерживается институциональных установок, свойственных признакам государства, а не говорит на русском языке (о практике русской культуры в быту говорить невозможно, культура изменчива и соответствует времени и правилам времени), российский, россиянин – обозначение принадлежности Российской Федерации, этнос, скорее всего, великорусский.

Литература:

1. Арендт 2008 – Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.
2. Аузан 2016 – Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2016.
3. Бомешко 2015 – Бомешко Б.Г. История приднестровской войны. 1992 года. Тирасполь, 2015.
4. Борисов 2017 – Борисов А.В. Гуманитарная безопасность: подходы к определению // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. М. 2017. № 1 (11). С. 45-60.

5. Бугай 2011 – Бугай В.Ф. Латвия-1991. Январь – август. Как это было на самом деле // <https://imhoclub.lv/ru/material/latvija-1991-janvar-avgust#.TrOrUIEXGok>
6. Жирар 2010 – Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинда. СПб., 2010.
7. Круглов 2008 – Круглов Т. Виновны в защите Родины, или РУССКИЙ. М., 2008.
8. Ланцман 2016 – Ланцман К. Шоа / Пер с фр. П. Каштанова. М., 2016.
9. Молдавия 2004 – Молдавия: современные тенденции развития / Под ред. Е.М. Кожокина; Рос. ин-т стратегич. исслед. М., 2004.
10. Олсон 2012 – Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
11. Сапожникова 2016 – Сапожникова Г. Кто кого предал. Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. М., 2016.
12. Шмитт 2016 – Шмитт К. Понятие политического /Пре. с нем. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016.

References:

1. Arendt Kh. Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime. М., 2008.
2. Auzan A. Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'. М., 2016.
3. Bomesenko B.G. Istoriya pridnestrovskoi voiny. 1992 goda. Tiraspol', 2015.
4. Borisov A.V. Gumanitarnaya bezopasnost': podkhody k opredeleniyu // Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir. М. 2017. № 1 (11). S. 45-60.
5. Bugai V.F. Latviya-1991. Yanvar' – avgust. Kak eto bylo na samom dele // <https://imhoclub.lv/ru/material/latvija-1991-janvar-avgust#.TrOrUIEXGok>
6. Kruglov T. Vinovny v zashchite Rodiny, ili RUSSKII. М., 2008.
7. Lantsman K. Shoa / Per s fr. P. Kashtanova. М., 2016.
8. Moldaviya: sovremennye tendentsii razvitiya / Pod red. E.M. Kozhokina; Ros. in-t strategich. issled. М., 2004.
9. Olson M. Vlast' i protsvetanie: Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury. М., 2012.
10. Sapozhnikova G. Kto kogo predal. Kak ubivali Sovetskii Soyuz i chto stalo s temi, kto pytalsya ego spasti. М., 2016.
11. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo /Pre. s nem. A.F. Filippova. SPb., 2016.
12. Zhirar R. Kozel otpushcheniya / Per. s fr. G. Dashevskogo; Predisl. A. Etkinda. SPb., 2010.